

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

АНАЛИЗ КРИТИКИ А. В. ЛЕБЕДЕВА ТЕРМИНА «ДОСОКРАТИКИ» ДИЛЬСА-КРАНЦА

К. В. РАЙХЕРТ

Одесский национальный университет, Украина

virate@mail.ru

KONSTANTYN RAYHERT

Odessa National University, Ukraine

ON A. LEBEDEV'S CRITICISM OF THE DIELS-KRANZ TERM THE «PRESOCRATICS»

ABSTRACT: In a series of his studies A. Lebedev insists in abandoning of the term *Vorsokratiker*, introduced by Diels-Kranz and widely accepted in the contemporary historiography of the ancient philosophy. Essentially, he proposes three basic arguments. The purpose of this article is to show that all of them are weak and, therefore, one cannot accept Lebedev's criticism as convincing.

KEYWORDS: Presocratics, Preplatonic philosophy, Early Greek philosophy, criticism, analysis

В своей статье «Избавляясь от “досократиков”»¹ Андрей Валентинович Лебедев (род. 1951) предлагает отказаться от использования в современной историографии античной философии термина «досократики» как «исторически и хронологически некорректного и теоретически бессмысленного» (Лебедев 2010, 183). Такой радикальный шаг вполне в духе А. В. Лебедева. Однажды он уже «совершил нападение» на Германа Дильса, автора термина «досократики»: Лебедев высказал мнение, что «история доксологии Дильса полностью ошибочна» (Lebedev 1984, 14), однако его мнение не было воспринято современными историками античной философии. Зная об этом случае, логично задать вопрос: не получится ли так, что и идея отказаться от использования термина

¹ Кратким изложением данной статьи можно считать доклад А. В. Лебедева «Миф о досократиках», прочитанный 5 февраля 2011 года на заседании Научно-методологического семинара в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (Лебедев 2011).

«досократики» не будет воспринята современным антиковедением? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо взглянуть на те аргументы, которые выдвигает Лебедев в пользу отказа от «досократиков», и проверить, насколько они убедительны (успешны).

В критике термина «досократики» А. В. Лебедева можно выделить пять аргументов, которые можно условно обозначить так: 1) «Фрагменты досократиков» Дильса-Кранца: состав авторов; 2) «досократики»: лингвистический аспект; 3) более подходящие для обозначения первого периода в истории древнегреческой философии термины, чем «досократики»; 4) интерпретационные мифы о термине «досократики»; 5) стереотипы, заложенные в термин «досократики». Причём здесь речь идёт о термине не только Германа Дильса (1848–1922), но и его ученика Вальтера Кранца (1884–1960), который после смерти своего учителя продолжил издание знаменитых «Фрагментов досократиков».

В настоящей работе я проанализирую только первые три аргумента, которые Лебедев выдвигает против термина «досократики». Дело в том, что каждый из последних двух аргументов сам по себе требует обширного и обстоятельного анализа и, тем самым, отдельной работы, посвящённой этому анализу. Так, суть четвёртого аргумента Лебедева заключается в том, что термин «досократики» оброс различными интерпретационными мифами, такими, как «позитивистский миф Джона Бёрнета, Теодора Гомперца, Поля Таннери», «ницшеанский миф», «хайдеггерианский миф», «эпистемологический миф Карла Поппера» (Лебедев 2010, 183–184). Это означает, что для понимания негативной сущности этих мифов, необходимо основательно разобрать представления Бёрнета, Гомперца, Таннери, Ницше, Хайдеггера и Поппера о досократиках. Суть пятого аргумента Лебедева заключается в том, что в термине «досократики» заложены стереотипы, восходящие к Платону и Аристотелю (Лебедев 2010, 179–180). Это означает, что необходимо рассмотреть, прежде всего, какое влияние философские концепции Платона и Аристотеля оказали на дальнейшие представления об истории досократовской философии.

Первый аргумент.

«Фрагменты досократиков» Дильса-Кранца: состав авторов

Суть этого аргумента заключается в следующем: «Состав авторов, включённых в “Досократиков” Дильса, вызывает немало вопросов. Почему авторы, писавшие на самые разные темы – религиозные, мифологические, научные, философские, технологические, – и даже мифические персонажи, должны быть объединены в единую категорию “Досократиков”, и в каком смысле они “предшествовали” Сократу, не совсем понятно» (Лебедев 2010, 178). Так, «кроме известных несомненных философов (Гераклит, Парменид) и натуралистов-физиологов, тут можно встретить мифических певцов Орфея и Мусея (главы 1–2), эпического поэта Гесиода (4), гадателя, чудотворца и собирателя корней-ев (ризотома) Эпименида Критского (3), комического поэта Эпихарма из Си-

ракуз (23), трагического поэта Иона из Хиоса (36), архитекторов-градостроителей Фалея и Гипподама (39), скульптора Поликлета (40), геометров Гиппократ из Хиоса (42) и Феодора (43). Состав текстов тоже широк: кроме космологических и метафизических сочинений, тут нашлось место и кулинарной книге Эпихарма (23 В 63), и магико-эсхатологическим текстам на золотых пластинках из могил, найденных археологами с конца XIX века, что-то вроде путеводителя по тому свету для душ покойников (1 В 17 сл.), и навигационной астрономии, приписываемой Фалесу (11 В 1), и шутливым речам Горгия (82 В 11) и т. д. и т. п.» (Лебедев 2010, 177–178).

К этому Лебедев также добавляет проблему хронологическую: «Хронологические несуразности еще больше усугубляют искусственность собрания. “Досократиками” оказываются софисты второй половины V века до н. э., большинство которых были современниками Сократа (469–399 до н. э.), выступающими его оппонентами в диалогах Платона. Присутствует даже целая философская школа – Абдерская, или атомистическая (главы 69–78), ни один из членов которой не может считаться с хронологической точки зрения “досократиком”. Даже самый древний из них, Демокрит (мы не верим в историчность Левкиппа), был на 10 лет моложе Сократа (род. 460 г. до н. э.) и пережил его на несколько десятилетий (согласно Лукиану, прожил 104 года), то есть был старшим современником Платона. Таким образом, не Демокрит был “досократиком”, а, скорее, Сократ был “додемокритиком”, тогда как среди последователей Демокрита были уже современники Александра Македонского Анаксарх (72) и Гекатей Абдерский (73), ученик Пиррона Навсифан (75) и даже египетский алхимик эллинистической эпохи Бол из Мендеса (78)» (Лебедев 2010, 178).

На первый взгляд, аргумент Лебедева кажется убедительным: досократиками следует считать тех, кто по времени предшествовал Сократу. Однако Лебедев смотрит только на «состав авторов»; он даже не пытается разобраться, почему Дильс и Кранц включают именно этих «авторов» в состав «досократиков», не рассматривает их объяснения.

Так, частичный ответ на этот аргумент можно найти у Вальтера Кранца в предисловии к пятому изданию «Фрагментов досократиков» (1934–1937). Он прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что само слово «досократик» (*Vorsokratiker*) означает философа, который по времени предшествует Сократу, однако намеренно расширяет значение этого слова: «многие современники Сократа появляются в этой работе, в том числе и те, кто пережил его. И всё же книга едина (*eine Einheit*)», так как «философия говорит и о тех, кто не прошёл через школы мысли Сократа (и Платона) – не только о досократовской, но и о несократовской ранней философии» (*Die Fragmente der Vorsokratiker*, I, VIII).

Из приведённой цитаты следуют два важных момента. Первый: досократиками следует считать тех, кто предшествовал по времени Сократу и, по всей видимости, оказал на него какое-то влияние. Причём здесь необходимо учитывать, что досократики могли создавать свои собственные школы, которые продолжали существовать и при жизни Сократа и даже после его смерти.

Второй момент я позволю себе выразить в виде вопроса: почему Кранц (а, скорее всего, и Дильс) различает досократовскую и несократовскую раннюю философию? Ответ на этот вопрос вероятнее всего кроется в той модели, которая лежит в основании современной историографии древнегреческой философии. Такой моделью следует считать преемства мнений (διάδοχος) Диогена Лаэртского (ок. 200 н. э.), которые положили в основание своих историй древнегреческой философии два родоначальника современной историографии античной философии Томас Стэнли (1625–1678) и Иоганн Якоб Брукер (1696–1770). Первый написал книгу «История философии» (переизд. Stanley 2006), в которой, по сути, пересказал работу Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»; второй критически переосмыслил работу, как Томаса Стэнли, так и Диогена Лаэртского, в своей «Критической истории философии» (Brucker 1767), заложив тем самым основы современной науки истории античной философии.²

В общем, модель истории древнегреческой философии по Диогену Лаэртскому можно показать следующим образом: «Философия же имела два начала: одно – от Анаксимандра, а другое – от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид. Первая философия называется ионийской, потому что учитель Анаксимандра Фалес был ионийцем, как уроженец Милета; вторая называется италийской, потому что Пифагор занимался ею главным образом в Италии» (ДЛ 13). Ионийская философия представляет собой цепочку сменяющих друг друга философов: Фалес → Анаксимандр → Анаксимен → Анаксагор → Архелай → Сократ → сократики → стоики. Италийская философия представляет собой другую цепочку сменяющих друг друга философов: Ферекид → Пифагор → Телавг → Ксенофан → Парменид → Зенон Элейский → Левкипп → Демокрит → Эпикур (ДЛ 13–15). Исходя из сказанного, становится понятным, что под «досократовской философией» следует понимать только ионийскую философию, так как Сократ принадлежит именно к этой философии; италийская же философия в таком случае оказывается «несократовской философией».

Полученный ответ снимает только «хронологические несуразности» в определении «досократиков», однако он не позволяет понять, почему в состав «досократиков» Дильс и Кранц включили нефилософов и софистов.

² Конечно, здесь следует учитывать, что если Стэнли и Брукер приняли модель Диогена Лаэртского в том виде, в каком собственно она и была представлена в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», то последующие историки философии уточняли и совершенствовали эту модель (в основном расчлняя италийскую философию на пифагорейскую, элеатскую и атомистическую), в том числе и с учётом различных вариантов влияния досократовских по времени философов на Сократа. В данном случае меня интересует именно общее представление об этой модели, поэтому я ограничиваюсь Диогеном Лаэртским.

И вот здесь следует отметить, что между прижизненными изданиями «Фрагментов досократиков» Германа Дильса и изданиями, осуществлёнными Вальтером Кранцем после смерти Дильса, есть существенные различия.

В четырёх изданиях «Фрагментов досократиков» (1903, 1906, 1912, 1922), подготовленных именно Дильсом, фрагменты сообщений о софистах, древнегреческих поэтах и мудрецах помещались в качестве приложения к собранию фрагментов сообщений и сочинений досократиков (*Anhang zu den Texten der Vorsokratiker*). Само приложение делилось на четыре части: 1) «космологическая поэзия шестого века» (*kosmologische Dichtung des sechsten Jahrhunderts*): Орфей, Мусей, Эпименид; 2) «астрологическая поэзия шестого века» (*astrologische Dichtung des sechsten Jahrhunderts*): Гесиод (отсутствовал в первом издании), Фок, Клеострат; 3) «космологическая и гномическая проза» (*kosmologische und gnomische Prosa*): Ферекид, Феаген, Акусилай, семь мудрецов; 4) «старшая софистика» (*ältere Sophistik*): Протагор, Ксениад, Горгий, Продик, Фрасимах, Гипсий, Антифонт, Критий, *Anonymus Iamblichii*, *Δύσσοι λόγοι*.

Это свидетельствует о том, что Дильс вполне понимал различие между досократиками и древнегреческими поэтами и мудрецами. Само это различие, скорее всего, основывается на традиционно сложившемся в немецком антиковедении представлении об истории древнегреческой философии. Данное традиционное представление восходит к вышеупомянутому Брукеру. В своей книге «Критическая история философии» он делит древнегреческую философию на два больших периода. Первый период включает в себя древнегреческую мифологию, которую представляют греческие поэты (Лин, Орфей, Мусей, Ферекид, Гомер, Гесиод, Эпименид), и политику, которую представляют первые законодатели (Залевк, Харон, Драконт, Солон, Ликург, Минос, семь мудрецов). Второй период он обозначает как «научная философия». По Брукеру, научная философия была представлена двумя основными линиями – «ионийской» и «италийской». Можно сказать, что Брукер установил определённый «стандарт» в истории античной философии: сначала излагается, условно говоря «предфилософия» (иногда её называют «поэтическая философия»), потом собственно философия, представленная двумя основными линиями – ионийской и италийской. Важно, что эта традиция во времена Дильса была настолько сильна, что такие историки античной философии, как Эдуард Целлер (1814–1908) и Теодор Гомперц (1832–1912), придерживались её (Целлер 1996, 36–37; Гомперц 1999, I, 77–84).

Другое дело – это объяснить, почему Дильс выделил старшую софистику в качестве приложения, а не включил её в основной текст свидетельств о досократиках, как это делали Целлер (Целлер 1996, 77–84) и Гомперц (Гомперц 1999, I, 389–455); здесь возникают трудности. Однако это можно объяснить тем, что, по всей видимости, Дильс руководствовался иными соображениями, нежели Целлер и Гомперц: последние понимали старших софистов именно как предшественников Сократа в хронологическом аспекте; Дильс же мог их выделять в отдельную группу по той простой причине, что, в отличие от ряда досо-

кратиков, старших софистов интересовали не исследования «природы», а обучение «добродетели» и тем самым умение заниматься частными и государственными делами.³

В любом случае, всё это были меры предосторожности, предпринятые Дильсом, дабы избежать конфликта с существующими подходами к истории древнегреческой философии в современном ему немецком антиковедении. В действительности, он несколько иначе представлял себе саму философию до Сократа.

Дильс подходит «семасиологически»⁴ к пониманию понятия «философия» в античности (Diels 2010, 3). Он считает, что самое раннее употребление существительного φιλοσοφία и глагола φιλοσοφῶ в дошедших до нас текстах встречается у историков Геродота и Фукидида в связи с существительными σοφός и σοφιστής. То есть φιλοσοφία воспринимается как синоним σοφία. Только Сократ превращает φιλοσοφία в специальный термин. В качестве аргумента Дильс указывает на тот факт, что ученики Сократа – Антисфен и Платон – употребляют φιλοσοφία как термин; причём Платон вообще полагает, что «философами являются все те, кто одинаково может касаться учения об идеях (Ideenlehre), следовательно, возвышенного» (Diels 2010, 2). Аристотель сужает понимание φιλοσοφία до πρώτη φιλοσοφία ‘первой философии’, то есть метафизики. В целом, как полагает Дильс, у Сократа и его учеников φιλοσοφία выступает как теория. Этого же представления ещё придерживается ученик Платона Аристотель. Однако уже стоики и эпикурейцы понимают φιλοσοφία как практику: «Понятие [φιλοσοφία] выворачивается наизнанку: раньше φιλοσοφία означала теорию (Theorie), теперь же φιλόσοφος – это практик (Praktiker), наставляющий других» (Diels 2010, 3). В таком смысле φιλοσοφία понимается в эллинистической и римской философии.

Основываясь на вышесказанном, в случае с «досократиками» следует понимать φιλοσοφία как σοφία. Это означает, что φιλοσοφία как σοφία выступает в значениях: 1) ум, даровитость, мастерство, талантливость, сноровка, умение в ремесле или искусстве; 2) знание в вопросах жизни, суждениях, разуме, и

³ Кстати, Целлер и Гомперц всех тех, кого они считали досократовскими философами, считали «физиками» (или «физиологами»); исключение составляли старшие софисты (Целлер 1996; Гомперц 1999, I).

⁴ Здесь семасиология не понимается так, как сегодня в лингвистике. Современная лингвистика трактует семасиологию, как раздел семантики, изучающий значения языковых единиц в отличие от ономастиологии, изучающей способы языкового обозначения предметов и понятий. Дильс же придерживается точки зрения автора термина «семасиология» – Кристиана Карла Райзига (1792–1829), который представлял семасиологию, как анализ исторических изменений значений слов, то есть в значении, близком к современному термину «этимология». В этом смысле семасиология Райзига оказывается подобной английской «сематологии» Бенджамина Хамфри Смарта (1786–1872) и французской «семантике» Мишеля Бреая (1832–1915).

благоразумие, практическая и политическая мудрость; 3) знание наук, учёность, мудрость (Liddell 1945, 1408).

Если так, то «люди, писавшие на темы религиозные, мифологические, научные, философские, технологические» (Лебедев 2010, 178), вполне могут называться «философами», а значит, могут быть включены в список «досократиков».⁵

В любом случае, именно такое понимание «философии» Г. Дильса его преемник Вальтер Кранц реализовал в 5-м издании «Фрагментов досократиков» (1934), когда придал собранию нынешнюю структуру, разделив весь текст на три части. В первую часть он поместил «Начала» (Anfänge: I. Kosmologische Dichtung der Frühzeit. II. Astrologische Dichtung des sechsten Jahrhunderts. III. Frühe kosmologische und gnomische Prosa). Во вторую – «фрагменты греческих философов 6–5 веков (и их ближайших преемников) (Die Fragmente der Philosophen des sechsten und fünften Jahrhunderts (und unmittelbarer Nachfolger))». В третью – «старшую софистику» (ältere Sophistik). Собственно, это издание и стало, так сказать, «стереотипным». Видимо, именно это представление и стало объектом критики Лебедева.

В целом, тот состав авторов, который был включен Германом Дильсом и Вальтером Кранцем в «Фрагменты досократиков», оправдан с точки зрения традиционной модели историографии античной философии и концепции «философии» Дильса: «досократики» есть совокупное название для тех древнегреческих философов, которые жили до Сократа или принадлежали к тем философским школам, которые возникли до Сократа и, поэтому, не оказались под влиянием его философии.

Я полагаю, что первый аргумент против употребления термина «досократики» является основным в критике Лебедева: если не понятен критерий отбора философов в «досократики», то не ясно, что следует понимать под самим термином. Как представляется, такой критерий существует, хотя он и представлен имплицитно в тексте «Фрагментов досократиков». Прояснение критерия отбора досократиков, предложенного Германом Дильсом и Вальтером Кранцем, делает первый аргумент Лебедева несостоятельным (не достигающим успеха в своей критике).

Второй аргумент.

«Досократики»: лингвистический аспект

Второй аргумент Лебедев излагает следующим образом: «Между терминами Vorsokratische (Philosophie) (“Досократовский (философ или философия)”) и Vorsokratiker (“досократик”) имеется тонкое лингвистическое различие, на которое мало обращали внимания. Первый термин образован от предлога “до”

⁵ В какой-то мере о чём-то таком догадывался и сам Лебедев при написании статьи «Досократики» для энциклопедического словаря «Античная философия»: «Дильс исходил из античного, широкого значения термина “философия”, поэтому “Фрагменты досократиков” включают много материала, который относится к истории математики, медицины и т. д. (вплоть до кулинарного искусства)» (Лебедев 2008, 350).

имени Сократа и имеет чисто временное значение, то есть отсылает к философам, жившим или творившим до Сократа (vor Sokrates). Но второй термин образован не от имени Сократа, а от его производного Sokratiker, “сократики”, то есть последователи Сократа или Сократические школы (вообще говоря, правильным прилагательным от “досократики” должно было бы быть “досократический”, а не “досократовский”). В греческом языке суффикс -ikoī регулярно употребляется для обозначения *философских школ* в сочетании либо с местом (городом) локализации школы, либо с именем учителя-основателя школы: греч. Megarikoī – нем. Megariker, “мегарцы”, греч. Kyrenaikoī – нем. Kyrenaiker, “киренцы”, греч. Platonikoī – нем. Platoniker, “платоники” и т. д. Так, благодаря суффиксу -ikoī/-iker философы VI и V веков до н. э., которых объединяет только то, что они жили до IV века, превратились чуть ли не в некую особую философскую школу или, во всяком случае, теоретическое направление мысли, на самом деле столь же химерическое, сколь и их мнимый учитель-основатель Досократ. Ведь если платоники – это последователи Платона, то досократики, очевидно, должны быть последователями Досократа. В этой связи уместно вспомнить прозвучавшую тут мысль Н. Мотрошиловой о том, что стереотипы в истории философии могут возникать благодаря онтологизации релятивного. А. Ф. Лосев употребляет даже термин “досократика” (она женского рода), подразумевая под этим некий тип философствования или комплекс близкородственных идей, которого, разумеется, никогда не существовало» (Лебедев 2010, 179).

Второй аргумент Лебедева выглядит достаточно убедительным. В самом деле, слово «сократик» (Σωκράτικός) уже в Древней Греции использовалось для обозначения последователя Сократа или представителя так называемой «сократической школы», то есть школы, основанной сократиком – учеником Сократа.⁶ Поэтому, когда употребляется слово «досократик», возникает вопрос: «Последователем кого является досократик?» Здесь не удаётся провести аналогию между «сократиком», учеником Сократа, и «досократиком». Более того, когда используется слово «досократик», становится непонятным, идёт ли речь о «досократовском философе» или же о «досократическом философе»: если выбирается первый вариант («досократовский философ»), то под «досократиком» полагается философ, предшествовавший Сократу; если же второй («досократический философ»), то под «досократиком» полагается философ, предшествовавший сократу, ученику Сократа или представителю сократической школы. В последнем случае снимается претензия Лебедева к термину «досократики» в плане «хронологических несуразностей».

Однако следует понимать, что это лишь одна из возможных интерпретаций термина «досократики». Можно пойти не просто логическим, а логико-лингвистическим путём интерпретации. Так, можно признать, что «досократики» есть результат субстантивации двух понятий «досократовская философия» и «досократовские философы», причём первое можно рассматривать как

⁶ См., например ДЛ 15.

метонимии второго понятия. Понятие «досократики» стало возможным благодаря закреплению в университетской науке терминов «досократовская философия» и «досократовские философы», то есть их широкого и, главное, частого употребления (в большой степени такими авторитетными в философской историографии XIX века исследователями, как Хайнрих Риттер и Эдуард Целлер). В результате речевой экономии, то есть процесса экономии языковых средств, тяги к удобству, выражающейся в: а) в переходе звуков и созвучий более трудных в более лёгкие для сбережения мускулов и нервов; б) в стремлении к упрощению форм (действие аналогии более сильных на более слабые); в) в переходе от конкретного к абстрактному, для облегчения отвлечённого движения мысли» (Бодуэн де Куртенэ 1963, 58), прилагательное «досократовское» превращается в существительное «досократик». Возникновение субстантива «досократик» за счёт перехода «от конкретного к абстрактному» позволяет по-новому взглянуть на то, что было обозначено, как «досократовская философия», а именно – как на самоценный для анализа историко-философский феномен. Субстантивация «досократовского» делает его более абстрактным и позволяет выйти на уровень категориального анализа, то есть – на уровень философского анализа. Здесь уже возникает перспектива появления новых вариантов интерпретации термина «досократики».

В своей критике Лебедев выступает против онтологизации термина «досократики» (Лебедев 2010, 179), причем видно, что его интересует только онтологическая интерпретация данного термина; Лебедев игнорирует другие возможные аспекты философского анализа понятия «досократики», например, аксиологический или эпистемологический (гносеологический, логический, методологический).

Так, в частности, если бы термин «досократики» анализировался в аксиологическом плане, то Лебедев должен был бы рассмотреть употребление этого термина, как некоторую традицию, насчитывающую сто, а то и двести лет (если вести отсчёт от 1788 года, когда возникло словосочетание «досократовская философия» (Laks 2001)). В частности, о том, что употребление термина «досократики» есть дань уважения традиции, говорят авторы сборника «Что такое досократовская философия?» Джеффри Ллойд, Мария Микела Сасси, Карл Хаффман, Александр Мурелатос, Патриция Кёрд и другие (Laks 2000).

Возможен и эпистемологический анализ термина «досократики». Так, можно было бы говорить о том, что термин «досократики» носит эвристический характер, то есть является самоценным для анализа историко-философским феноменом, позволяющим рассмотреть, например, какие моменты в развитии философии привели к появлению философской концепции Сократа. Или же можно полагать, что «досократики» всего лишь теоретический конструкт, удобная модель описания истории философии до появления Сократа и сократических школ.

В общем, можно предложить несколько различных вариантов возможных интерпретаций термина «досократики». И любой из них может оказаться убе-

дительнее второго аргумента Лебедева для того или иного исследователя, что не позволит тому отказаться от употребления термина «досократики».

Третий аргумент.

Более подходящие для обозначения первого периода в истории древнегреческой философии термины, чем «досократики»

Наконец, Лебедев полагает, что для обозначения первого периода в истории античной философии и философов, живших и размышлявших в этот период, есть понятия, более подходящие, нежели пресловутое «досократики»: «От термина “досократики” следует отказаться как от исторически и хронологически некорректного и теоретически бессмысленного. Правильнее говорить о “ранних греческих философах” или – беря за образец периодизацию истории античного искусства – различать греческую философию эпохи архаики (585–490 до н. э.), эпохи ранней классики (490–450 до н. э.) и эпохи высокой классики (450–400 до н. э.). Чисто формальной заменой термина “досократики” может служить более корректный термин “доплатоновские философы” (но только не “доплатоники”), то есть философы, жившие и творившие до 400 г. до н.э., когда начал писать свои диалоги Платон» (Лебедев 2010, 184).

Термин «ранние греческие философы» Лебедев закрепил в названии своей книги: «Фрагменты ранних греческих философов (Часть 1)». Сам термин является производным от термина «ранняя греческая философия» и восходит, скорее всего, к работе шотландского антиковеда Джона Бёрнета (1863–1928) «Ранняя греческая философия» (1892).

Словосочетание «ранняя греческая философия» вызывает вопросы: «Что означает *ранняя* в словосочетании “ранняя греческая философия”?», «По отношению к чему или к кому *ранняя* греческая философия является *ранней*?» Я думаю, что ответы на эти вопросы следует искать у самого Джона Бёрнета, который так говорит о периоде «ранней греческой философии»:

«Только когда простейший взгляд на мир и общепринятые правила жизни были разрушены, греки начали испытывать потребности, которые могла удовлетворить философия природы и образа жизни. Причём эти потребности не возникли внезапно. Традиционные максимы поведения не подвергались серьёзно сомнению, пока старый взгляд на мир не был изжит; и, по этой причине, самые ранние философы занимались в основном исследованием мира вокруг них. В должное время Логика возникла для того, чтобы удовлетворить определенные потребности. Стремление к космологическому исследованию вне определённой точки зрения неизбежно привело к выявлению широкого расхождения между наукой и здравым смыслом, которое само по себе составило проблему, заслуживающую того, чтобы над ней поразмыслить и, кроме того, вынудило философов выработать способы защиты их парадоксов от предрассудков ненаучного большинства. Позднее, превалирующий интерес к логическим вопросам поставил вопрос о происхождении и обоснованности знания; пока, в то же время, ломка традиционной морали не привела к подъёму Этики. Период, который предшествует восхождению Логики и Этики, носит, таким образом, различительный характер и может быть, соответственно, рассмотрен отдельно» (Burnet 1961, 1–2).

Данное описание не даёт представления о том, по отношению к чему «ранняя греческая философия» является собственно «ранней», пока не обращаешь внимания на сноску к приведённому только что пассажи: «Будет показано, что Демокрит выходит за рамки периода, таким образом, ограниченного. Обычная практика рассмотрения этого младшего современника Сократа наряду с “досократовскими философами” затеняет истинный курс исторического развития. Демокрит приходит после Протагора и его теория уже обусловлена эпистемологической проблемой. У него есть также регулярная теория поведения» (Burnet 1961, 2). Приведённое примечание показывает, что для Бёрнета Сократ и есть то, по отношению к чему определяется «ранняя греческая философия»: по всей видимости, именно Сократ является началом «восхождения Логики и Этики». По сути, Бёрнетова «ранняя греческая философия» есть та же самая «досократовская философия», только определённая более строго – в чисто хронологическом плане. В этом смысле термин «ранняя греческая философия» оказывается всего лишь более строгим субститутотом термина «досократовская философия» и производным от него термином «досократики». Здесь можно сказать, что в принципе ничто не мешает сам термин «досократики» определить более строго.

Следует отметить, что своей книгой «Ранняя греческая философия» Джон Бёрнет закладывает основы целой традиции употребления термина «ранняя греческая философия» для обозначения первого периода в истории античной философии (Зельин 1972; Benn 1908; Edinger 1999; Long 1999; Miller 2011; Mugge 2009; Robb 1999; Robinson 1981; West 2001).⁷

Другой термин – «доплатоновская философия» – восходит к Фридриху Ницше (1844–1900). В 1869 году он прочитал курс лекций по древнегреческим философам, жившим и работавшим до Платона. Этот курс был прочитан ещё трижды между 1872 и 1876 годами. В нем Ницше высказывает мысль о том, что доплатоновские философы «являются подлинными “первооткрывателями”... Они должны были найти путь от мифа к законам природы, от образа к понятию, от религии к науке» (Nietzsche 2006, 5). Именно они «создали в действительности все типы философов» (Nietzsche 2006, 4). Понятие типов философов (Rubriken) позволяет объяснить, почему Ницше говорит о доплатоновской, а не досократовской философии. Дело в том, что по Ницше Платон является первым «смешанным» типом философа, который сочетает в себе несколько «чистых» типов философов: «Элементы философий Сократа, Пифагора и Гераклита соединяются в его теории идей... Все последующие философы являют смешанный философский тип. Напротив, доплатоновские философы представляют собой чистые и несмешанные типы с точки зрения их философии и характера» (Nietzsche 2006, 5). Так как фактически Сократ является последним

⁷ Сам А. В. Лебедев уже в 1978 году, как минимум, знал о книге «Ранняя греческая философия» Джона Бёрнета (Лебедев 1978).

философом чистого типа, а Платон – первым смешанного, то Ницше говорит о доплатоновских философах.

Точка зрения Ницше сама по себе довольно интересна: когда Ницше говорит о том, что доплатоновские философы суть чистые типы, он не рассматривает возможность влияния одних доплатоновских философов на других и, значит, заимствования каких-то элементов философий одними доплатоновскими философами у других. Такая точка зрения идёт вразрез с традиционной историографией древнегреческой философии, которая отталкивается от модели преемств Диогена Лаэртского. То есть выделение доплатоновских философов в отдельную группу производится по основаниям, совершенно противоположным тем, по которым выделяются досократики или ранние греческие философы.

Лебедев негативно относится к концепции Ницше: он называет её «ницшеанским мифом», который идеализирует философов «мнимой “трагической” эпохи до сократического грехопадения (диалектического и моралистического)» (Лебедев 2010, 183).

Однако если Лебедев отбрасывает концепцию Ницше, тогда возникает вопрос: на основании чего следует выделять философов первого периода истории древнегреческой философии в группу доплатоновских философов? Лебедев отвечает: «Чисто формальной заменой термина “досократики” может служить более корректный термин “доплатоновские философы” (но только не “доплатоники”), то есть философы, жившие и творившие до 400 г. до н. э., когда начал писать свои диалоги Платон. В отличие от термина “досократики”, этот термин не только избегает превращения самых разных деятелей ранней науки философии в химерическую единую традицию, но и находится в ладу с хронологией, так как включает и большинство древних софистов» (Лебедев 2010, 184).⁸ Если это так, то возникает вопрос: зачем вообще тогда использовать Платона в качестве критерия деления на первый и второй периоды истории древнегреческой философии? В случае с терминами «досократики» и «ранняя греческая философия» использование имени Сократа было оправданным: Сократ понимался, как первый, кто специализировал философию (Дильс) и кто способствовал «восхождению Логики и Этики» (Бёрнет), что привело к началу нового периода в истории античной философии. А вот Платон настолько глобальных вещей не сделал: его теория идей по масштабу не сравнится с тем, что сделал для философии Сократ.

Справедливости ради следует заметить, что употребление термина «доплатоновские философы» на данный момент представляет собой уже сложившуюся традицию (Барнз 2006; Capasso 1985), правда, не такую распространённую,

⁸ То есть, по мысли Лебедева, термин «доплатоновские философы» должен снять противоречия, которые возникают в ходе употребления термина «досократики» Дильса–Кранца, и всё.

как традиция употребления термина «досократики» или «ранние греческие философы».

Таким образом, можно видеть, что выбор терминов «досократики», «ранняя греческая философия» и «доплатоновская философия» можно увязать с различными традициями. И здесь возможно два подхода к сложившейся ситуации. С одной стороны, можно сказать, что традиции употребления терминов «досократики», «ранняя греческая философия» и «доплатоновская философия» конкурируют между собой и, поэтому, могут вполне критически относиться друг к другу. С другой стороны, употребление того или иного термина позволяет акцентировать наше внимание на те или иные аспекты древнегреческой философии VII–V веков до н. э. В любом случае оба подхода могут оказаться достаточно продуктивными для понимания древнегреческой философии, потому что они так или иначе позволяют вскрыть сущность древнегреческой философии как самоценного для анализа историко-философского феномена.

Ещё одной заменой термина «досократики», согласно Лебедеву, может служить привязка к периодизации истории античного искусства, то есть можно «различать греческую философию эпохи архаики (585–490 до н.э.), эпохи ранней классики (490–450 до н.э.) и эпохи высокой классики (450–400 до н.э.)» (Лебедев 2010, 184). Этот вариант может оказаться самым оптимальным из всех, так как здесь нет привязки ни к какому-то философу (вроде Сократа или Платона) или какой-то философской школе. Отличительной чертой терминов «греческая философия эпохи архаики», «эпохи ранней классики» и «эпохи высокой классики» является их внешнее по отношению к философии происхождение. Их по праву можно отнести к области культурологии, в большей мере – к искусству: литературе, архитектуре, живописи. В этом смысле древнегреческая философия негласно предстаёт частью общего культурного пространства, однако подобные утверждения при всём их безусловном правдоподобии не должны приниматься по умолчанию. Их следует обосновывать отдельно. Ведь не совсем ясно, следует ли трактовать греческую философию эпохи архаики или греческую философию эпохи классики как проявления некоторых синхронных и однородных изменений, которые предположительно произошли в культуре и равно вызвали к жизни серию фундаментальных культурных трансформаций – в архитектуре, живописи, вазописи, скульптуре, литературе, науке и соответственно в философии? Проблема этого допущения состоит в том, что на философию направляется взгляд со стороны, её определяют из вне-философских (в данном случае – культурологических) позиций. Этот взгляд не устраивает философию постольку, поскольку она доверяет только внутренним самоопределениям (термины «досократики», «доплатоновские философы» и «ранняя греческая философия» как раз являются внутренними самоопределениями такой философской дисциплины, как история философии). Оценка древнегреческой философии как культурного проекта является точкой зрения такой дисциплины, как культурология, в то время как историка философии должна интересовать точка зрения самой фило-

софии. Кроме того, такие словосочетания, как «греческая философия эпохи архаики», «греческая философия эпохи ранней классики» и «греческая философия эпохи высокой классики», могут вводить в заблуждение, заставляя думать именно о философских основаниях эпох архаики и классики, а не о древнегреческой философии в целом.

Анализ употребления терминов «досократики», «доплатоновские философы», «греческая философия эпохи архаики», «греческая философия эпохи ранней классики» и «греческая философия эпохи высокой классики» показывает, что к каждому из этих терминов можно предъявить претензии по поводу их недостаточно четкой определенности. В своей статье «Избавляясь от “досократиков”» Лебедев критикует только термин «досократики», остальные термины он считает приемлемыми для употребления в антиковедении. Однако сам Лебедев, в конечном счёте, предлагает своё видение древнегреческой философии VII–V веков до н. э. Именно, он предлагает вернуться к модели преемств Диогена Лаэртского: «В античных историях философии типа “Преемств” (диахроническая история философских школ) вместо придуманных в XIX веке “досократиков” говорилось не об одной, а двух отдельных ранних традициях: Ионийской (от Фалеса) и Итальянской (от Пифагора). Несмотря на искусственность некоторых построений (так, у Диогена Лаэртского Сократ оказывается учеником Архелая и потому “ионийцем”), в целом эта концепция обладает большей исторической достоверностью и лучше объясняет “явления”» (Лебедев 2010, 180). В этом месте следует вспомнить, что за употреблением термина «досократики» также стоит модель «преемств» Диогена Лаэртского, поэтому возврат к данной модели не может служить аргументом против употребления термина «досократики». Однако здесь интересным оказывается другое – то, как Лебедев интерпретирует эту модель:

«Итальянская философия была создана Пифагором на принципиально иных началах как антитеза к ионийскому натурализму и ставила перед собой не конкретные научно-исследовательские задачи, а мировоззренческие и жизнестроительные задачи. Представители двух традиций по-разному понимали и даже называли свою науку: ионийцы называли её “разведыванием” (*historia*), итальянцы – “любомудрием” (*philosophia*). Для первых ключевым понятием было *physis*, для вторых *aletheia* и *psyche*. Космическая гармония пифагорейцев была не просто законом Природы (как Анаксимандров закон равной компенсации), а этико-политической парадигмой для аскетической дисциплины духа. Во всех фундаментальных проблемах философии эти две традиции противоречили одна другой и стояли на противоположных позициях. В метафизике и космологии ионийцы утверждали натуралистический монизм, признававший универсальность законов природы и фактически упразднявший понятие “неба” (небесные тела состоят из земных элементов), а вместе с ним и традиционное мифопоэтическое деление мира на небесное-божественное-бессмертное и земное-человеческое-смертное. Они также верили в бесконечность Вселенной и бесчисленные миры (Анаксимандр, Анаксагор, Демокрит). Итальянцы были дуалистами и в метафизике, и в космологии; деление космоса на божественную надлунную и текучую подлунную часть представляло собой реставрацию мифопоэтической картины мира. В теории

познания ионийцы тяготели к сенсуализму, италийцы – к радикальному рационализму и априоризму» (Лебедев 2010, 180–181).

В целом Лебедев предлагает любопытную концепцию, которая, как я понимаю, находится сейчас в стадии разработки (поэтому анализировать её, тем более – критически, пока что рано).

Подводя итоги, следует отметить, что необходимость анализа критики А. В. Лебедева термина «досократики» была продиктована вопросом: не получится ли так, что и идея отказаться от использования термина «досократики» не будет воспринята современным антиковедением? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мне необходимо было взглянуть на те аргументы, которые выдвигает Лебедев в пользу отказа от «досократиков», и проверить, насколько они убедительны (успешны). Анализ аргументов Лебедева показал, что аргументы недостаточно убедительны, чтобы отказаться от употребления термина «досократики». Так, первый аргумент («Фрагменты досократиков» Дильса–Кранца: состав авторов) оказался слабым по двум причинам: во-первых, Герман Дильс исходил из широкого понимания «философии» до Сократа, поэтому и включил в состав досократиков не только философов в современном смысле, но и различных экспертов в нефилософских вопросах; во-вторых, под «досократиками» Дильс и его ученик Вальтер Кранц понимали философов, живших и творивших до Сократа, и философские школы, созданные до Сократа. Второй аргумент («досократики»: лингвистический аспект) также оказался слабым, потому что Лебедев учитывал только одно возможное лингвистическое различие между «досократической философией» и «досократиками». Третий аргумент (более подходящие для обозначения первого периода в истории древнегреческой философии термины, чем «досократики»), можно сказать, является неоднозначным: в ходе анализа было показано, что существуют различные термины («досократики», «доплатоновская философия», «ранняя греческая философия»), за употреблением которых стоят целые традиции, которые конкурируют между собой и в какой-то мере по-разному вскрывают сущность древнегреческой философии VII–V веков до н. э. как историко-философского явления.

В любом случае необходимо признать, что критика А. В. Лебедевым термина «досократики» является полезной потому, что инициирует дискуссию об употреблении тех или иных терминов для обозначения древнегреческой философии VII–V веков до н. э. и в конечном итоге ставит вопрос о прояснении этих терминов, в том числе в историко-философском смысле.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барнз, Дж. (2006) «Мыслители доплатоновской эпохи», *Греческая философия*, т. 1. Москва: 3–96.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963) «Некоторые общие замечания о языковедении и языке (1871)», *Избранные труды по общему языкознанию*, т. 1. Москва: 47–77.

- Гомперц, Т. (1999) *Греческие мыслители*, т. 1. Санкт-Петербург.
- Гаспаров, М. Л., сост. (1986) Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва.
- Зельин, К. К. (1972) «О методах и перспективах исследования ранней греческой философии», *Вестник древней истории* 1, 39–58.
- Лебедев, А. В. (1978) «АРХН и ТО ΠΕΡΙΕΧΟΝ у досократиков», *Античная балканистика-3: Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья: Тезисы конференции*. Москва: 33–35.
- Лебедев, А. В. (2008) «Досократики», *Античная философия: Энциклопедический словарь*. Москва: 350–352.
- Лебедев, А. В. (2010) «Избавляясь от “досократиков”», *Философия в диалоге культур: Материалы Всемирного дня философии*. Москва: 177–184.
- Лебедев, А. В. (2011) *Миф о досократиках*: <http://litpsy.ru/filosofiya/mif-o-dosokratikax>.
- Лебедев, А. В., сост. (1989) *Фрагменты ранних греческих философов*, ч. 1. Москва.
- Целлер, Э. (1996) *Очерк истории греческой философии*. Санкт-Петербург.
- Benn, A. W. (1908) *Early Greek Philosophy*. London.
- Brucker, J. J. (1767) *Historia critica philosophiae a mundi incunabulis ad nostram usque aetatem deducta*, t. 1. Lipsiae.
- Burnet, J. (1961) *Early Greek Philosophy*. London.
- Capasso, M., ed. (1985) *Studi di filosofia preplatonica*. Napoli.
- Diels, H., Kranz, W., hrsg. (1952–1956) *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Band 1–3. Berlin.
- Diels, H. (2010) *Griechische Philosophie: Vorlesungsmitschrift aus dem Wintersemester 1897/98*. Stuttgart.
- Edinger, E. F. (1999) *The Psyche in Antiquity: Early Greek Philosophy: From Thales to Plotinus*. Toronto.
- Laks, A. (2001) «“Philosophes Presocratiques“: Remarques sur la construction d’une catégorie de l’historiographie philosophique», *Aporemata, Band 5: Historicization – Historisierung*. Göttingen: 293–311.
- Laks, A. éd. (2000) *Qu’est-ce que la philosophie présocratique?* Lille.
- Lebedev, A. (1984) «Φύσις ταλαντεύουσα: Neglected fragments of Democritus and Metrodorus of Chios», *Proceedings of the 1st International Congress on Democritus*, vol. 1 (Xanthi) 13–18.
- Liddell, H. G. ed. (1945) *An Intermediate Greek-English Lexicon: Founded upon the Seventh Edition of Liddell and Scott’s Greek-English Lexicon*. Oxford.
- Long, A. A., ed. (1999) *The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy*. Cambridge.
- Miller, P. L. (2011) *Becoming God: Pure Reason in Early Greek Philosophy*. London.
- Mugge, M. A. (2009) *Early Greek Philosophy and Other Essays*. London.
- Nietzsche, F. (2006) *The Pre-Platonic Philosophers*. Champaign.
- Robb, K. (1999) *Language and Thought in Early Greek Philosophy*. Chicago.
- Robinson, T. M. (1981) «The Worlds of the Early Greek Philosophers», *Teaching Philosophy* 4 (2) 190–191.
- Stanley, T. (2006) *The History of Philosophy (1701)*. Berkeley
- West, M. L. (2001) *Early Greek Philosophy and the Orient*. Oxford.